

Евгений ЧУБУКИН

Красноярск

Евгений Евгеньевич Чубукин родился в 1966 году в Красноярске. В 1983 году окончил 10 классов и поступил работать на завод «Красмаш». 1985 — 1987 годы — служба в армии. После армии вернулся на «Красмаш». В 1989 году поступил, а в 1992 году с отличием окончил без отрыва от производства Красноярский техникум космического машиностроения по специальности «Эксплуатация и наладка станков с программным управлением». В настоящее время работает на «Красмаше» слесарем-ремонтником шестого разряда. Ув года руководит акробатическим коллективом для взрослых при ДК имени 1 Мая.

МАНА

«Мана» в переводе с камасинского языка означает «снежная река», и звучало слово изначально как «минербу». В здешних местах добывали золото и сплавляли древесину, снимали эпизоды фильмов «Хозяин тайги», «Сибирский цирюльник» и «Угрюм-река», проводили байкерские и туристические фестивали.

Одна из самых длинных и полноводных рек в России — Енисей. Притоки Енисея — это реки, которые питаются множественными небольшими речками и ручьями. Из большого количества притоков в Енисей впадает горнотаёжная река Мана. Своё начало Мана берёт из горного озера, расположенного на Манском Белогорье. В озере, названном Манским, в былые времена водился крупный, тёмный по окрасу, горбатый хариус. С развитием цивилизации и техники Белогорье стало доступно для людей, и рыбу браконьеры-рыбаки почти всю выловили.

В одном месте из Манского озера вытекает небольшой ручей. Через несколько километров ручей превращается в небольшую реку, прозванную Правой Маной. Ещё через некоторое расстояние она соединяется с такой же небольшой рекой —левой Маной, которая берёт начало с подводных вод. Соединившись, оба рукава образуют полноводную реку.

Бежит Мана с высоты Белогорья, наполняясь подводными и снеговыми ручьями, становится мощным, с агрессивным характером, потоком. Люди и здесь, в далёких

таёжных далях, внесли лепту своих дел. В погоне за прибылью золотари изрыли верховье реки. Везде по берегам горы поднятая со дна галька, отстойники, в высокой траве спрятались глубокие шурфы, по горной долине течёт множество рукавов. Извиваясь змеей по рельефу местности, убегая от приисков, река пробила себе русло и со всей силой помчалась среди горных хребтов Соболиных, Алгинских, Зайских, Чанских скал, образуя шиверы и пороги. Поиграв своею силушкой, Мана приостанавливается и течёт спокойно, местами даже лениво. Но чтобы никто не забывал, что это горная река, Мана начинает бурлить на перекатах, прижиматься к берегам, образуя прижимы. Пошумев немного, она успокаивается и несёт свои воды спокойно среди таёжной красоты, сверкая и переливаясь от солнечного света. Стоящие на берегах утёсы любят изяществом манской воды, а река игриво ласкает своей волной подножия скал.

Река Мана для нашей семьи — водная колыбель. Ежегодно по два, а то и по три раза моя семья путешествовала по реке, сплавляясь по ней на плотках и катамаранах. Даже папин брат, живший на Украине, приезжал с женой и сыном побывать и полюбоваться красотами сибирской реки.

Впервые меня взяли в водное путешествие в 1974 году, восьмилетним пацаном. Я давно ждал похода на Ману. И вот летом, в пятницу после работы, на электричке я, сестра и наши родители ехали до станции Маганская. Всю ночь лил дождь. Только к вечеру осадки прекратились, но небо было пасмурным. Станция Маганская. Наша команда вышла на перрон, надела рюкзаки, пошла к машинам, которые ожидали пассажиров. Бортовая грузовая машина битком набилась туристами. Сидений не было, и все люди разместились кто как смог. Одни сидели на рюкзаках, другие на каких-то деревяшках. Машина тронулась с места, туристы, подпрыгивая на кочках, отправились на сплав по реке Мане.

Погода нас не радовала. Свинцовые тучи заняли весь небосвод и мрачно смотрели на землю. Дорога была мокрой и скользкой. Нашу машину бросало в разные стороны, но опытный водитель умело удерживал свой автомобиль на

бездорожье. По мере нашего продвижения вперёд по грунтовке появились глубокие водяные ямы. За поворотом показалась неподвижная машина, она громко рычала, выкидывая из-под задних колёс комья грязи. Наш водитель остановился около неё. Открыл дверь, спрыгнул с подножки на землю, подошёл к шофёру застрявшего грузовика. Перекинувшись с ним несколькими словами, он попросил нас и остальных людей освободить транспорт. Зацепив тросом застрявший автомобиль, наш шофёр помог вытащить его из грязи. Туристы пострадавшего транспорта пересели в нашу машину, а водитель только что освобождённого грузовика поехал назад в город. А мы продолжили свой путь к реке. Проехав несколько километров, наше транспортное средство нырнуло в небольшое озеро липкой грязи и застряло. Как машина ни напрягала свой мотор, колёсами разрывая густую жижу, побороть препятствие не смогла. Пришлось сплавщикам-мужчинам помочь справиться шофёру с дорожным капканом. А до Маны ещё далеко. К огорчению всех людей, в этот раз к реке мы так и не доехали, вернулись домой.

В этом, 1974-м, году я так и не смог увидеть желанную реку Ману и с нетерпением стал ждать следующего года.

ПРОЩАЙ, ДЕРЕВЯННЫЙ ПЛОТ

В конце двадцатых — начале тридцатых годов на реке Мане начался молевой сплав. По берегам реки, по правой стороне, выросли лесозаготовочные хозяйства и деревни. Люди из деревень занимались заготовкой брёвен, обрабатывая стволы деревьев в тайге, свозили их на берег. Затем приспособлениями, а с развитием техники — бульдозерами сбрасывали их с берегов по весне в Ману. Брёвна, попадая в таёжную реку, неслись со скоростью течения, преодолевая прижимы, перекаты, мели, до запани, расположенной в посёлке Усть-Мана. Удерживаемые плотиной, на запани брёвна накапливались, выползая под давлением прибывающего леса на берег. Плотина состояла из опор — набранных и скреплённых в квадрат брёвен. Её удерживали

толстые металлические канаты диаметром пятьдесят-семьдесят сантиметров. Канаты были закреплены к конструкции подвижных шестерён. В определённое время плотина раздвигалась, и вся армада брёвен устремлялась в реку Енисей. В Енисее сплавной лес собирали в огромные кошелы и буксировали катерами до базы в районе Пашенного, где их вытаскивали, складировали и отправляли потребителям. Не всем брёвнам удавалось пройти нелёгкий путь. Многие тонули. Если на дно ложились кедр или сосна, то, постепенно разрушаясь под действием воды, они со временем превращались в иловое дно реки. Если тонул лиственнич, то дерево становилось камнем. Чтобы уменьшить потери сплавного леса, рабочие строили боны на крутых изгибах русла, бульдозерами сгребали со дна Маны галечные отвалы, углубляя реку.

Близкое расположение реки от города способствовало развитию водного туризма. Туристы ловили брёвна, собирали из них плоты, сплавливались до посёлка Усть-Мана. Лесозаготовщики были не против туристов, но требовали от них в конце путешествия разбирать свои суда по брёвнам. Сплав на деревянных судах не был простым. Кроме природных препятствий, образовывались искусственные в виде заторов, затонувших бон, водяных «шлагбаумов». Застревая на заторах, попадая под «шлагбаумы» — низко торчащие из затора брёвна, туристы-сплавщики теряли плоты, одежду, снаряжение. Бывало, возвращались домой без денег, без одежды, в одном нижнем белье. Папина команда всегда строго следила за рекой, обходя препятствия. Конечно, бывало всё: на мелях сидели, в заторы врезались, но проходили без потерь.

С начала семидесятых годов мне хотелось быстрее вырасти и принять участие в сборке плота и управлении им. Моя задача в походе в этот период заключалась в том, чтобы отгонять брёвна, которые плыли без определённого направления, от места строительства судна.

1988 год, июнь месяц. Недавно, в ноябре 1987 года, я демобилизовался из армии. Я чувствовал себя взрослым, возмужавшим мужчиной. Мечта моя начала сбываться.

Огорчало одно: сплав по реке Мане прекратили. Лес шёл по воде из остатков застрявших на берегах, в заторах брёвен. Но всё же я и мои друзья решили рискнуть, сплавиться на деревянном плоту.

Собрали команду, изготовили скобы, взяли тросы и верёвки. В день солнцестояния наша компания отправилась в водное путешествие на два дня. В это время ужесточили правила дорожного движения. Грузовикам без оборудованных пассажирских мест запрещена перевозка людей. До этого запрета туристов возили из посёлка Маганский до посёлка Береть на разных машинах. Это были самосвалы с остатками грунта на дне кузова, автомобили с будками, предназначенные для хлеба или других грузов, грузовики разной грузоподъёмности, с металлическими или деревянными кузовами, оборудованные тентами и без них. В разгар сезона стоимость поездки в одну сторону стоила полтора рубля, доходила до рубля. Вне сезона до Берети от Маганского доставка составляла два рубля.

Наш автомобиль ГАЗ-53 с брезентовым тентом, не оборудованный для перевозки людей, чтобы не попасть в руки гаишникам, ехал по дороге, которая находилась за городом и проходила через деревню Кузнецово. Всю дорогу при сбросе скорости машины наша компания переставала разговаривать, и наступала полная тишина. ГАЗ набирал скорость, мы смеялись, подтрунивая друг над другом за смешное наше положение. Вскоре мы проехали посёлок Маганский и свернули на сухую, пыльную грунтовую дорогу. Перед рекой начались крутые повороты.

— Вот за этим поворотом будет спуск, и мы прибудем на место, — отвечал я на вопросы уставших от грунтовой прыгающей дороги друзей.

А за этим поворотом был ещё поворот, а за ним другой.

— У меня уже попа плоская, — сказала Вика. — Это уже пятый поворот.

— Нет, это просто такой затяжной поворот, — попытался я оправдаться.

Вся машина загудела, осмеивая мои повороты. Машина накренилась вперёд, всё, что было в кузове, поехало к

кабине. Это спуск к реке. Через несколько минут, проехав посёлок Береть, наша команда разгружала автомобиль.

Попрощавшись с шофёром, надели рюкзаки и двинулись по лесной тропе против течения реки искать место для лагеря. Солнечный день плавно перешёл в прохладный вечер. После трёхдневного непрерывающегося дождя воздух не прогрелся, и было свежо. Через десять минут ходьбы река делает небольшой поворот. Плывающие брёвна здесь близко подходили к берегу. В этом месте на берегу будет строительство плота, а рядом на поляне поставим палатки. Начали распаковывать рюкзаки. Незаметно к нашей стоянке подошло стадо коров и молодых бычков. Они заинтересованно наблюдали за нами. Более смелые коровы подошли вплотную к нам и вдыхали своими влажными носами воздух. Чувствовали, что у нас было что-то вкусненькое.

Я вспомнил случай. В очередном походе у нас была днёвка. Рано утром вставать не надо. Но поспать не удалось. Нашу палатку разбудил какой-то шум: кто-то ходил по стоянке. За брезентовыми стенами нашего жилья слышались посапывание, шелест целлофана и дрожание верёвочных растяжек, которые держали палатку. Мама нехотя вылезла из палатки и пошла посмотреть, кто у нас в гостях. Гостями оказались коровы. Они важно расхаживали по поляне, вокруг костра, облизывая своими длинными языками всё, что им приглянулось. Мама отогнала их подальше от палаток. Вновь уютно устроилась в спальнике. И только наши глаза навестила дрёма, как палатка вздрогнула и один край обвис.

— Зараза, колышек вырвали, — возмутился папа.

Мама резко села, с воинственным видом уже собралась на борьбу с упрямым стадом, но папа её удержал:

— Погоди. Их надо напугать, тогда они больше не вернутся.

Любопытные коровы окружили кольцом наше жилище. Одна настолько обнаглела, что чуть было не просунула внутрь палатки голову. Тут папа громко крикнул, ударил по брезентовой крыше руками, быстро выскочил

из палатки. Что тут началось. Коровы кинулись в разные стороны, натыкаясь друг на друга. Испуг достиг предела. В мгновение ока стоянка опустела. Больше коровы в этот и следующий день нас не тревожили.

Я увидел в траве небольшую, корявую, не слишком толстую сухую ветку. Взял её в руки и погнал стадо прочь. Коровы лениво двинулись в сторону посёлка. Я шёл за ними, помахивая своим оружием. Краем глаза заметил, что кто-то за мной наблюдает. Наблюдателем оказался молодой, но уже взрослый бычок. Увидев, что человек остановился и смотрит на него, он наклонил голову, помотал ею в разные стороны, правым передним копытом пошаркал по траве и пошёл прямо на меня. Понимая, что бычок желает со мной разобраться за испорченное время отдыха, я растерялся. В первую минуту хотелось от него дать дёру. Но я оглянулся на своих друзей, и внутри меня начало расти злобное настроение за свой испуг и трусость. Я повернулся лицом к быку и пошёл к нему навстречу. Чем ближе мы приближались друг к другу, тем наша скорость продвижения увеличивалась. Вскоре я и бык с ходьбы перешли на бег. Расстояние быстро сокращалось. Злоба во мне стала превращаться в ярость. Подняв вверх свою сухую палку, я изо всех сил бросился на быка. Вдруг бычок резко прыгнул в сторону и развернулся, задние ноги его подкосились, боком он задел землю. Брошенная палка ударила его по заду. Бык вздрогнул всем телом, мгновенно вскочив, понёсся от меня быстрее ветра. Коровы, наблюдавшие нашу дуэль, трусцой побежали за своим вожаком. Ноги мои налились тяжестью, сердце хотело вырваться из груди. Меня переполняла радость, смешанная с мальчишеской гордостью. После случая в детстве с коровой я этих животных обхожу стороной. Эта победа над быком была победой над моими страхами. Я стоял и смотрел на удаляющееся стадо.

В лагере установили палатки, горел костёр, девушки готовили ужин. Вечер клонился к ночи. Комары перестали кусать, появилась мошка. Бороться с мокрецом помогал небольшой ветерок, который легонько обдувал нам лица, волновал верхушки деревьев и засыпал в густой траве.

Поужинав, наша дружная компания отправилась на охоту за брёвнами. Примерно с километр прошли по берегу против течения реки. Стали высматривать годный лес для строительства плота.

Команда пловцов ринулась в воду. Первым плыл Костя, за ним, на одной линии, я с Юрой, Толик с Сашей и Виталиком гребли позади нас. Вода в Мане оказалась холодной. Проплыв несколько метров, Толик крикнул, что у него свело ногу. Он направился к берегу. Саша, не выдержав температуру реки, тоже вернулся на берег. Нас осталось четверо. Поймав каждый своё бревно, ребята потащили их на берег. Мне досталось высоко плывущее над водой дерево. Обняв его снизу ногами, я повис на заднем конце. Держась левой рукой за ствол, правой начал грести к суше, оглядываясь по сторонам, чтобы другие плывущие деревья не ударили мне в спину. Примерно за несколько метров до берега я опустил ноги и потрогал дно. Не найдя опоры, вновь обнял свою ношу и продолжил движение. Через несколько метров снова опустил ноги; достав дно, сплавлял ствол к месту строительства пешком. Из ребят я первым достиг земли. Когда вышел из воды на берег, моё тело покрылось мелкими пупырышками и подрагивало. Наши девушки кинулись ко мне с полотенцем и начали меня растирать. Следом за мной со своими брёвнами появились Костя, Юра и Виталя. Девчонки также обтёрли их полотенцами. От такого внимания хотелось ещё раз сто повторить такую процедуру. К сожалению, не было времени для развлечений. На чистом небе появились звёзды. Ясная луна светилась, словно включённая лампочка. Река хорошо освещалась. Наша плавательная команда для тепла оделась в трико и футболки.

Понемногу на берегу стали скапливаться пойманные для строительства плота стволы. Порядком устав, Юра, Костя, Виталик и я отправились за последней партией плывущего леса. Плыть в этот раз было тяжело. Я еле добрался до своей цели. Обняв спасительное бревно, некоторое время плыл не двигаясь. Отдохнув, потащил его к ожидающим нас девчонкам. До суши было далеко. Я понял, что не смогу

довести свою ношу до нужного места. Отпустить её тоже не мог. Сильная усталость не давала мне шанса доплыть до берега. Мана повернула своё русло, течение начало относить меня от берега, пришлось напрячь последние силы. Бревно ударило в берег. Не было смысла тащить его против течения. Я отпустил его. Оно, волочась, вздрагивая по каменному дну, перевёртываясь, пошло на глубину. Я сидел на дне реки, поток воды силой течения ударял меня в спину и, разбившись об неё на два рукава, убегал вдаль. Моя ноша, подхваченная течением, всё дальше и дальше удалялась от меня и вскоре исчезла из виду. Поднявшись, я побрёл в сторону стоянки. Друзья в лагере уже хотели идти искать меня — не успели, сам пришёл.

В начале четвёртого часа утра наша строительная команда, выпив немного алкоголя, отправилась спать. А спать осталось полтора часа. В пять подъём. В палатках уже давно почивали женщины с детьми в своих тёплых спальниках. Моё тело погрузилось в невесомость, голова перестала думать, стало таинственно-приятно. Вдруг раздался крик нашего капитана:

— Подъём! Встаём, время уже начало шестого.

«О Господи, ведь только было так хорошо», — подумал я, одеваясь. Детям решили дать поспать ещё часик. Остальные выползли из палаток и принялись за работу. Женская часть занялась готовкой завтрака, а мужская отправилась строить деревянное водное судно. Солнце ярко светило. Небо, чистое от облаков, смотрело на нас своей синевой. Обильная роса сразу промочила обувь. При ходьбе по траве из кед сквозь материю, шипя, пузырясь, выходила вода.

Под присмотром нашего капитана Евгения Чубукина началась сборка плота. Нужно было отобрать годные для сплава стволы. Я, Юра и Сергей вывели на глубину бревно и втроем легли на него. Ствол под тяжестью тел ушёл под воду наполовину. Это критическая черта для грузоподъёмности плота. Если бревно погрузится ниже линии погружения, то оно не годится для постройки судна. В этот раз годных деревьев оказалось мало. Сплав окончен. Поэтому собирали плот из материала, который был. Отобрали пять

стволов примерно одной длины, соединили их в один ряд. Виталья с Костей к этому ряду с одного боку подвели ещё одно бревно, оно было длиннее. С другой стороны эту работу сделали Саша и Лёша. Стволы выровняли по торцу в одну линию. Капитан Чубукин, я, Юра и Серёга подвели под них семимиллиметровый трос, вывели его наверх и связали прямым узлом. Затем Чубукин и я взяли лагу — небольшой по диаметру ствол, толстым концом просунули в петлю троса, которую вытащили Серёга с Юрой между сложенными в ряд вторым и третьим брёвнами. С другой стороны мы повторили эту процедуру. Под лаги положили опору — поперечно расположенное бревно. По двое распределились на каждый рычаг и через опору начали стягивать деревья тросом, регулируя его длину с помощью прямого узла. Трос впился в древесину. Тонкие концы лаг коснулись деревянного пола плота. Их закрепили скобами. Ещё пять брёвен подвели к задней части постройки, поместили их между двумя длинными стволами. Сделали работу как в носовой части. Затем тросом и одной лагой скрепили хвост плота. Для жёсткости проббили стыки скобами. Из длинных тонких стволов спереди установили две гребни, на корме поставили одну. Судно получилось около двадцати метров в длину. Прямоугольную конструкцию плота применил мой папа, он идёт по реке быстрее квадратного судна. В душе у меня пело: я впервые в жизни своими руками строил деревянный плот. Девушки позвали на завтрак.

Вещи погрузили на настил, находящийся посередине водного транспортного средства, укрыли сверху полиэтиленом на случай дождя. Все туристы ступили на борт судна. Последней на него взшла Вика. Вдруг, к нашему огорчению, плот критически погрузился в воду. Брёвна ушли больше чем на половину своего диаметра в реку. Завтра он намокнет и ещё больше потонет. Вся команда молчала. Слышно было только журчание реки. Пока думали, что делать, судно отошло от берега, увлекаемое течением Маны, поплыло вперёд. Первым опомнился капитан:

— Надо причаливать, пока не поздно. С таким плотом под первой же боной окажемся.

Как раз мы находились около посёлка Береть. От посёлка можно было вернуться домой в город.

Причалили. Мимо нас по берегу прошла туристская компания. Их руководитель сказал:

— Вам повезло, хоть что-то собрали, а мы вообще ничего не поймали.

Пока мы общались, с грустным видом прошла ещё одна компания. Делать нечего, надо и нам собираться домой. Недалеко от нас причалила моторная лодка. Двое местных мужчин сошли на берег и посмотрели в нашу сторону. Переговорили между собой, и один из них подошёл к Серёге, державшему швартовый конец. Сергей сказал:

— Нам обещают за две бутылки водки пару хороших брёвен. Мужик сказал, что жалко стало нас, много детей с нами. Замените вон те два топляка, два дня проживёте, не потонете.

Конечно, наша команда приняла предложение. Через пару часов, счастливые, мы шли по водной глади реки Маны.

Река каждый год бывает разной. Бывает мелкой, с тихим течением и множественными мелями. Бывает полноводной, мели скрываются, увеличивается скорость водного потока. Зависит это от дождей, снежного покрова в верховьях реки и других природных явлений. Сегодня Мана была в среднем течении. Плыть было легко, мало мелей и заторов. День выдался жарким. Наша команда периодически перемещалась с плота в воду, с воды на плот. Все разнежились. Кое-кто сказал, что скучно. Наверное, у меня в душе сидит чёрт. После таких слов я посадил судно на мель. Сели так, что чуть не пришлось его перебирать. Конечно, так делать нельзя, но было уже поздно. Пришлось всем взрослым покинуть водный транспорт. Мужчины, поймав плывущие мимо тонкие брёвна, заводили их под одну сторону плота и разворачивали его по кругу в сторону глубины. Поворачивать было непросто. Деревянные рычаги впивались в дно реки, упираясь в бок бревна, скрежетали. Плот дыбился, дёргаясь, тащился по мели и замертво останавливался. Ругая меня по-всякому, потратив минут сорок, мои друзья на

третий поворот скинули нашу баржу на глубину. Больше никто не говорил про скучный отдых.

Ближе к полудню наша команда начала догонять другие плоты. Из-за опыта капитана правильно использовать фарватер реки мы быстро догоняли разный деревянный водный транспорт. Однажды, обгоняя плот, один турист крикнул нам:

— Где у вас спрятан мотор?

После часу дня погода изменилась. Порывы ветра неприятно скользили по нашим оголённым телам, оставляя на них «гусиную кожу». На небе появились редкие облака. Но солнце продолжало радовать. На Мане стали чаще попадаться заторы. Впереди по курсу Сергей заметил притопленную бону. Сильным течением нас несло прямо на неё. Обычно бона — заграждение — не представляет опасности. Судно подходит к ней, скользит вдоль отшлифованных брёвен по всей длине. Это заграждение местами было затоплено, наша деревянная баржа могла перескочить и сесть на бону своим дном. Капитан дал команду:

— Все на вёсла! Подходить близко к ней нельзя. Держать безопасное расстояние.

Мышцы ребят напряглись, два шестиметровых вёсла по команде одновременно поднялись вверх, передвинулись в сторону от препятствия, опустились в реку. Резким движением они толкнули толщу воды, плот вздрогнул, нехотя стал перемещаться. На корме работала одна гребь. Тяжёлое судно стремительно приближалось к заграждению. В помощь гребцам встали ещё люди. Вот и сближение. Деревянный борт легко шоркнул бревно боны и отошёл от него на половину метра. Держа дистанцию, туристы безопасно прошли проблемное место.

Выйдя на простор реки, люди занялись своими делами. Одни просто лежали на настиле, загорая, смотрели в небо, другие сидели по бокам на ограждениях или стояли на бревенчатом полу плота, разговаривая между собой, смеялись, вспоминая смешные истории. Впереди показался водный деревянный транспорт. Юра предложил:

— Давай догоним?

— Давай! — крикнул я с кормы, управляя кормовым веслом.

Выгребли на течение, река подхватила наш плотишко, и мы быстро начали приближаться к цели. Русло сделало поворот. За поворотом на реке образовался большой затор. Он состоял из двух частей. Один находился у левого берега, другой — у правого, начинался он ниже левого затора, из него невысоко от воды торчали брёвна, словно шлагбаумы. Наша команда почти догнала туристов. Но двум судам невозможно идти вместе между заламами, очень узко. Наша компания уступила дорогу соседям-водникам, ушла с течения в улово. Их гребцы не справились с течением, плот ударился в левый затор носом по касательной, его развернуло боком и прижало к скопившимся брёвнам. Вода быстро начала топить не прижатую сторону. Через мгновение судно со скрежетом наклонилось и поползло на деревянную стену залама, угрожая переворотом. Сплавщики начали хватать вещи, падающие в реку, и выскакивать на деревянный остров. Мы не смогли им помочь. Туристам, потерпевшим аварию, придётся спасаться на плотях, которые их подберут. А нам предстояла работа — не попасть под «шлагбаумы» второго затора. Пришлось сильно потрудиться. Мы справились.

Долгий день подходил к концу. После Сосновки, на Крестах, справа большая поляна, там будем ночевать. Подходя к месту стоянки, мы обнаружили много плотов. Виталик, Юра, Серёга и я, взяв в руки швартовый канат, приготовились причаливать. Гребки ударились о прибрежную отмель. Брёвна кормы стали царапать разного размера камни. Подгоняемый течением плот, мелко дёргаясь, останавливался, снова двигался. Вчетвером, я и друзья, с канатом в руках прыгнули в реку. Глубина была нам по колено. Добежав до суши, начали тянуть к себе верёвку. Вскоре судно плотно село на береговую мель и остановилось.

Среди большого количества народу выбрали место поставить палатки. Вечер был тёплым. Солнце спряталось. Вышла неполная луна. Всюду, куда ни глянь, горели костры, пели песни, играла гитара. Наша компания, хорошо

повеселившись, разошлась по палаткам. У костра остались я, Костя, Юра, Виталик, Марина, Вика. Прежде чем отправиться спать, мы решили искупаться в Мане. Зашли по пояс в реку, Юра и Костя сразу нырнули. Остальные медлили. Марина протянула в сторону руку. Я оглянулся и увидел целую процессию. Впереди по воде шёл высокий, крепкого телосложения, бородатый мужчина, одетый в белую рясу. На груди у него висел на большой металлической цепи внушительных размеров железный крест. На кресте выковано распятие Иисуса Христа. За ним шли несколько девушек, одетых в рясы белого цвета. Процессия приблизилась к нашей группе. Мужчина с крестом заговорил:

— Сегодня день тысячелетия крещения Руси.

Он поднял руки вверх и, произнеся молитву, окончил словами:

— Во имя Отца и Святого Духа, аминь!

Окрестил всю нашу компанию трижды, затем процессия двинулась дальше вперёд. Проводив их глазами, я и друзья пару раз окунулись в реке и пошли к палаткам.

Мы с Юрой вышли с воды последними. Посмотрели вокруг — друзей нет. Куда делись? Мы пошли к своему ночлегу, заглянули в брезентовый домик, а наши места заняты.

— Не понял, — удивился я.

— Где спать ляжем? — спросил Юрик.

— Раз места наши заняты, значит, где-то пусто.

— Точно.

Проходя мимо палаток, заглядывали внутрь каждой. Странно: для нас места не было.

— Что делать будем? — спросил Юра.

— Наверное, на улице ночевать придётся, — ответил я.

— Пацаны, идите сюда, сейчас ребят пододвину, — крикнул из одной палатки Серёга.

Мы с другом нырнули туда, где говорил голос. Конечно, было бы всё нормально, если бы подо мной лежал матрас, а не брезентовое дно.

Ночь пронеслась мгновенно. Утром, позавтракав, наша туристская группа продолжила сплав по реке Мане. Правда, пришлось повозиться с отходом от берега. Из-за сухой погоды

Мана обмелела сантиметров на тридцать. Плот надёжно застрял на береговых камнях. Вначале вагами столкнули корму. Освободившись из плена, её подхватило течением, плот со скрипом развернуло. Судно ушло на глубину. С помощью кормовых и передних вёсел деревянную платформу повернули в правильное положение. День выдался жарким. Небо над нами было ясным. Небольшой ветерок и редкие облака спасали наши тела от знойного солнца. После полудня по правому берегу стали появляться базы отдыха. После Подсопок и Седла наша команда прошла мимо скалы, справа на которой написано белой краской имя девушки: «Дина».

Трагическая история девушки началась на базе отдыха, на которой она отдыхала с другом. Администратор базы организовал экскурсию по окрестностям Маны на правом берегу. Отдыхающие вышли на скалу, где открывался красивейший вид на реку. Руководитель экскурсии предупредил, чтобы не подходили близко к краю обрыва. Одна девушка пренебрегла словами экскурсовода и для хорошей фотографии близко подошла к крутому краю. Площадка под её ногами пришла в движение. С крошкой мелких камней Дина полетела с утёса вниз. Девушка разбилась о береговые камни. Её парень очень горевал и решил на скале написать имя любимой. Он взял верёвку, белую краску и спустился к отвесному камню. На нём написал слово «Дина». С годами краска темнела и стиралась от ветров и дождей. Но мужчина каждый раз обновлял имя девушки. Проплывая мимо этого места, туристы читали надпись и вспоминали трагедию юной красавицы. В 2006 году надпись перестала обновляться. Сейчас, в наши дни, она почти исчезла, остались плохо различимые потускневшие буквы.

За поворотом этой скалы нас ждал сюрприз. Плот сел на подводный камень. Камень большой. Вокруг него глубина выше пояса, быстрое течение. Чубукин, капитан, решил раскачать судно. Вся команда перешла на нос. Плот дал крен, чуть поёрзал и застыл в неподвижности. Ребята спрыгнули за борт, вооружились вагами, стали сталкивать его с препятствия. Пока толкали, под деревянное дно зашли два бревна и встали якорем, добавив нам работы. Организовали охрану

от вольно плывущих деревьев. Провозившись минут тридцать, судно сдёрнули с камня и продолжили сплав.

Вот и запань. Окончилось наше путешествие. Последнее путешествие на деревянном плоту. Время деревянных плотов на Мане закончилось. Уже на берегу, разобрав наше судно по брёвнышкам, наша команда последний раз с грустью смотрела на уплывающие элементы конструкций плота, понимая, что такие путешествия больше не повторятся никогда.

С 1990-х годов туристы стали изготавливать плавательные средства из надувных камер, гондол и других надувных частей.

ГОСТИ С УКРАИНЫ

— Ой, у меня голова закружилась, — сказала тётя Нина и присела на каменистый берег реки.

Середина семидесятых. Лето в самом разгаре, июль месяц. Несмотря на утро, солнце светит в полную силу. Повсюду на волнах речки бегают солнечные зайчики. По берегам цветёт белоголовник. От его нежно-белых пушистых зонтиков разносится далеко вокруг медовый аромат. На противоположном берегу лес подошёл к самой воде. Из невысокого обрывистого берега торчат корни деревьев и кустарников. В воздухе жужжат редкие комары. Тётя Нина с моей мамой Тамарой и сестрой Наташей моют посуду после завтрака. Мужчины прямо в деревянном одноэтажном здании станции Лукашевич качают плот.

Папин брат, Анатолий, впервые со своей семьёй, женой и сыном, приехал с Украины, из города Харькова, к нам в Красноярск на сплав по реке Мане.

Поезд маршрутом Красноярск — Абакан опаздывал. Остановка на станции Лукашевич длится всего две минуты. Чтобы успеть сойти на перрон за это небольшое время, папа, он же в нашей компании капитан, проинструктировал команду: сначала выходят женщины и дети, затем двое мужчин выгружают из вагона груз, три человека принимают багаж на перроне.

Около часа ночи прозвучал сигнал, возвещающий прибытие дизеля на станцию Лукашевич. Наша компания

приготовилась к выходу. Провожатая, немолодая девушка, перешагивая через расставленные по тамбуру рюкзаки, пробралась к двери вагона. Поезд сбавил ход, завизжали тормоза. Проводница открыла дверь. Состав остановился, проскочив платформу. Девушка быстро сбежала по крутым ступенькам на землю и правой рукой подняла железнодорожный сигнал. Я спрыгнул с железной ступени на покрытую щебнем землю. Половина группы успела сойти и ждала около платформы. Поезд, постояв с полминуты, начал движение. Проводница вскочила на нижнюю подножку вагона. Одной рукой она держалась за железную скобу, другой рукой с силой махала дорожным знаком. Поезд прибавил скорость. Девушка попыталась войти внутрь вагона, но из него вылетел, чуть не сбив её, рюкзак. Папа и друг папы дядя Вася на ходу выбрасывали багаж. Около открытой двери по земле бежали дядя Вова и дядя Толя, пытаясь поймать падающее туристическое снаряжение. Проводница вновь и вновь хотела проникнуть внутрь тамбура. Увёртываясь от летящего очередного рюкзака, раскачиваясь в разные стороны, она кричала:

— А как же я? А как же я?

Папа с дядей Васей, выкинув последний мешок, спрыгнули с поезда. Женщина скрылась в проёме вагона, послышался лязг закрывающегося дверного замка. Вся наша компания перевела дух от происшедшего, мы накинули на себя рюкзаки и двинулись в здание вокзала.

В небольшом помещении вокзала никого, кроме нас, сторожа и дежурного, не было. В зале стояли лавочки, почти посередине возвышалась печная труба, совмещённая с железной круглой печкой. До утра времени много. Спать не хотелось. Папа подал идею: прямо здесь, на полу помещения, начать собирать плот. Получив разрешение у дежурного станции, принялись за дело.

Утром широкая дверь вокзала торжественно распахнулась, в дверной проём протиснулся накачанный полосатый плот. Станция Лукашевич расположена недалеко от реки Мана. Через некоторое время дно судна лежало, лениво покачиваясь, на поверхности воды.

Мой папа родом с Украины. Во время Великой Отечественной войны в 1941 году дед Валентина, отца папы, вместе с заводом, где он работал, эвакуировали в город Красноярск. Валентин взял с собой двух сыновей, Анатолия и Евгения. Мать двух братьев осталась в родном городе Харькове. В Харькове она и погибла, была расстреляна фашистами. Валентин из Красноярска добровольцем ушёл на фронт. Старший брат Анатолий, отпраздновав совершеннолетие, тоже призвался на войну. Мой папа остался работать на оборонном предприятии в Красноярске. На заводе он принимал участие в изготовлении зениток, мин и пушек. По окончании войны дед Валентин вернулся в родной город. Позвал обоих сыновей к себе в Харьков. Старший сын так и сделал. Младший сын Чубукин, увидев красоты Сибири, не захотел уезжать из Красноярска. Он здесь работал, занимался спортом и туризмом. Родственных отношений сын Евгений не забывал. Раз в два года приезжал в гости к отцу и братьям. Как-то, отдыхая в Харькове, за семейным столом Евгений рассказал о красивых местах Сибири, о горной реке Мане. Брат Анатолий загорелся идеей побывать и сплавиться по таёжной реке.

Тётя Нина, жена Анатолия, перевела дух, сказала, что такую быструю реку видит впервые: как же она будет плыть по этой страшной реке на таком, кажется, ненадёжном плоту? Позже сомнения её ушли прочь. Харьковчане были бесконечно рады, созерцая природу тайги, быстроту реки, величелие скал. Но глухие таёжные места не всегда дарят спокойствие, отдых. Погода в нашу жизнь вносит изменения, тем более в тайге.

Ближе к вечеру ветер нагнал тучи. Тучи под тяжестью набранной в них воды низко повисли над нашими головами. Пошёл дождь. Вначале он был мелким, затем пошёл чаще. Нам пришлось причалить к берегу. Быстро поставили брезентовые палатки. Чтобы они не промокли, сверху на них натянули полиэтилен. Собранные дрова, не успев напитаться влагой, разгорелись быстро. На костре приготовили ужин. Ужинали в палатках. Погода совсем испортилась. Стало темно. Совсем близко около нашего лагеря

сверкнула молния. Раздался такой гром, что мы разом все притихли, а в ушах завибрировали перепонки. Тётя Нина тихо заговорила:

— Свят, свят, свят, — и неловко начала креститься.

Створки палатки были открыты, и мы видели, как молнии сверкали в высоте и огненными стрелами исчезали в реке. Кто-то крикнул:

— Выкидывай на улицу всё металлическое.

Из палаток полетели ложки, кружки, тарелки. Погода злилась, гнула макушки деревьев, глухой стеной поливала землю дождём. Заворожённо наблюдали мы за неистовством природы, вздрагивая от гремевших раскатов грома. И вдруг всё стихло. С неба ещё летели редкие капли дождя. Ветер разогнал небесную темноту, появилась узкая полоска синего неба. Весь народ вылез из палаток размять косточки. Воздух казался чистым, лёгким. Начала оживать тайга. Где-то запела поздняя птица, кукушка крикнула «ку-ку», сплывала в реке рыбка. В Мане заметно прибавилось воды.

На следующий день грело солнце. Полосатик наш мирно плыл по реке, легко преодолевая разные препятствия. В полдень пристали на обед к берегу. Володя, мой троюродный дядя, взял рыболовную металлическую сетку и пошёл искать водяную яму — порыбачить. Я, сестра и брат Сергей нашли каждый свою заводь. Закинули удочки. Тётя Нина с моей мамой Тамарой готовили обед. Папа с дядей Толей и другом Васей что-то оживлённо обсуждали, присматривая за костром.

Серёга, на три года старше меня, выше ростом, спортсмен, закричал:

— Поймал, поймал!

Я и сестра бросили свои удочки, побежали смотреть, какая рыба схватила Серёгин крючок. Рыба оказалась сантиметров двадцать длиной, чешуя крупная, серебристая.

— Это сорожка, — сказал подошедший к нам Евгений.

Серёга с гордостью снял рыбину с крючка, надел на опустевший крючок нового жирного червяка и забросил удочку в реку. Я с завистью посмотрел на добычу и

отправился пытаться своё счастье. Мой поплавок медленно покачивался на воде. Хотелось всё бросить. Как вдруг поплавок заводило, затем он нырнул на глубину. Я сделал движение подсечки и дёрнул удочку на себя. Услышал голос сестры:

— Я тоже поймала!

И на моём удилице болталась сорожка — правда, меньше размером, чем у Сергея и Наташи. От такого счастья все трое прыгали, скакали и хвастались своими успехами. Володя пришёл с пустой сеткой, но с полной трёхлитровой стеклянной банкой гольянов. В банке был квас. Квас выпили, банку возили с собой на всякий случай. У Володи не рыбачилось. Заметив недалеко от берега небольшой заливчик, увидел в нём мелких рыбок. Он взял банку, положил в неё хлеба, сверху накрыл марлей. В марле проделал дырочку. Банку с хлебом опустил в заливчик. Через короткое время в банке битком набились гольяны. Сорожку оставили на вечер, сварим с них уху. Гольянов пожарили на сковородке, залив их взбитыми яйцами. Сидим обедаем. Мимо нас идут два рыбака. Заметили нашу добычу. Один рыбак говорит:

— Что это за рыба? Я за рыбу эту мелочь не считаю.

А мама, пригласив к костру гостей, дала попробовать жареное блюдо.

— Ого, как вкусно! Никогда бы не подумал, что можно из такой мелочи что-нибудь стоящее приготовить, — поменял своё мнение рыбак.

Не так давно поужинали. Небо затянуло тёмно-серыми облаками, пошёл затяжной дождь. Река пенилась и пузырилась, говоря о том, что осадки будут идти долго. Наша компания сидела в палатках, наблюдая за тем, как от воды отрывается прозрачно-белая дымка и поднимается в небо. Слышно было работу лодочного мотора. Вскоре я увидел казанку, медленно поднимающуюся против течения реки. Лодка проплыла мимо нас и скрылась в туманной дали. Мотор ещё было слышно. Дождь временно прекратился. Натужный мерный звук лодочного двигателя взревел и затих.

Вскоре к нашему берегу причалили двое мужчин. Они выпрыгнули из моторки, вытащили её на берег, направились

к нам. Брезентовые дождевики обоих полностью промокли. С них водопадом стекала вода. Бородатого мужчину, пониже ростом, трясло. Другой мужчина, высокого роста, худой, попросил погреться у нашего костра. Несмотря на дождь, костёр горел. Папа и дядя Вася периодически питали его дровами. Мама предложила замёрзшим гостям чаю. Незнакомцы оказались жильцами посёлка Малый Унгут. Возвращались из посёлка Береть, попали в непогоду. Из-за тумана вышли на мель, сорвало шпонку винта. Погревшись у костра и выпив горячего чаю, мужчины пошли к лодке. Пока высокий копался в моторе, бородатый мужчина принёс четверть ведра малосольных огурцов. Казанка, отчалив от берега, ушла на глубину. Заработал движок. Вскоре они скрылись за поворотом реки. Через час вновь пошёл дождь. Шёл он всю ночь до самого утра.

Скоро Урманские скалы. За ними посёлок Урман. Урманские скалы — одно из красивых мест на Мане. В этом месте река делает крутую петлю, течения здесь почти нет. Справа, посередине петли, стеной тянется гряда отвесных скал. Перед ними, на правой стороне, поляна, напротив неё возвышается одинокая высокая скала. Здесь, на поляне, можно остановиться и заночевать. Время раннее для лагеря, и наше судно двигается вдоль природной красоты до самого посёлка. В Урмане один магазин. Половина команды пошла закупать продукты. В магазине, кроме продуктов, Евгений увидел пятизвёздочный армянский коньяк. Такой коньяк в городе не сыщешь, а здесь он стоит никому не нужный. Купили бутылочку на пробу. Солнце печёт, небольшой ветерок. Носы у всей команды сгорели, кожа на них потрескалась и облезла. Мама и тётя Нина сорвали лист подорожника и укрепили его на переносицы. Тела наши потемнели от загара.

Сразу после посёлка — небольшая шивера. В начале шиверы дно реки скалистое, течение стремительное. Почти посередине русла хороший плёс. Капитан командует идти на него. Плот врезается в волну. Брызги воды окатывают сидящих на носу полосатика Анатолия и Сергея. Вслед за брызгами раздаются возбуждённо-радостные крики:

— Ещё хотим!

Река мельчает. Видны надне переливающие от солнца разными цветами камни. Камни с большой скоростью проносятся под нами и скоро скрываются в глубине. Наше судно теряет скорость и оказывается на водной яме. Володя решил порыбачить с плота, закинул удочку. Барабан закрутился, разматывая леску. Весело скачет на водной поверхности обманка. Леска напряглась. Володя стал вращать барабан, появился крючок. На крючке, извиваясь, пыталась освободиться рыба. Было сразу видно — это хариус. Мы все с азартом наблюдали за рыбаком. Володя рванул удочку вверх. Рывок оказался сильным, хариус пролетел по воздуху поперёк плота с одной стороны на другую. Все ахнули: сейчас сорвётся. Рыба не сорвалась, она маятником начала перемещаться обратно, справа налево. Наташа и Серёга попытались схватить её руками — не вышло. Я протянул оголённую ногу вперёд. Рыбина ударилась о ступню и упала в ложбину плота. Крючок, освободившись от жертвы, впился мне в подошву. От неожиданности я вскрикнул. Пришлось терпеть, пока вытаскивали крючок из ноги. После Вова стал осторожней и за день наловил на уху.

Сразу после посёлка Береть по правому берегу течёт ручей. В народе его называют Сладким ручьём. С этого места начинается государственный заповедник «Столбы». На протяжении нескольких десятков километров запрещено на правом берегу устраивать стоянки, разводить костры, даже причалить на короткий срок нельзя. Был случай: пристали мы по надобности. Мимо шли на моторке лесник с помощником. Увидев нас, подплыли и хотели выписать штраф. Наши убедительные ответы, почему мы здесь, просто игнорировали. Спасла нашу компанию от штрафа бутылка водки. После такого инцидента на правом берегу никогда наша компания не останавливалась и не останавливается до сих пор. Возле Сладкого ручья водится множество пескарей. Иногда я и папа здесь останавливались порыбачить.

У ручья есть своя легенда. Выше по ручью жил мужик. Была у него пчелиная пасека. Рядом с жильём мужика обитал хозяин тайги, большущий медведь. Один раз шёл медведь мимо пасеки, остановился. Медовый запах ульев

манил его к себе. Подкравшись к пчёлам, вскрыл один домик. Ох, как же вкусно медведь полакомился. Отведав мёда, побрёл он по своим делам. Вернулся мужик домой, глядь — в одном месте забор повален. Пошёл посмотреть, что случилось. Смотрит, на сломанном заборе медвежья шерсть и следы ведут к пчельнику. Рассердился мужик за разорённый улей. Решил поймать воришку. На другой день взял он ружьё, спрятался за сарай. Медведь старался не шуметь. Он тихо шёл, останавливаясь и прислушиваясь к шорохам тайги. Подошёл хозяин тайги к сломанному забору. Присел. Поднял морду вверх, повёл ею по сторонам и вдохнул в себя воздух. Кроме запаха тайги и сладкого мёда, он ничего не почуял. Осмелев, пошёл он к заветному хозяйству. Дошёл до деревянных жилищ и только хотел запустить свою лапу в домик, как услышал хруст ветки. Медведь вздрогнул, ошестинился. Грозно посмотрел в сторону сарая. Затем схватил улей под мышку, а заодно прихватил ещё один улей другой лапой, побежал в чащу. Сзади раздался ружейный выстрел, за ним второй. Ещё быстрее помчался медведь. Но бежать с ульями неудобно, они постоянно цеплялись за кусты и деревья. Чувствовал воришка, что мужик с ружьём гонится за ним. Тяжело медведю, не убежать. Жалко расставаться со сладким медком. На пути его течёт ручей. Прыгнул хозяин тайги через ручей. Запнулся о корни дерева, растущего рядом, потерял равновесие, упал. Деревянные жилища выпали из лап и разбились. Потёк мёд из обломков прямо в ручей. Медведь взревел от досады и скрылся в лесу. Больше к пасеке он не приходил. А из разбившихся ульев до сих пор сочится мёд. Перемешиваясь с водой, струится он до самой реки Маны. И кто бы ни пробовал испить воду ручья, все говорят, что этот родник сладкий. Многие туристы останавливаются в этом месте, чтобы набрать родниковой воды, сладковатой на вкус.

Прошли три кордона и лесничество. Позади граница заповедника. По правому берегу около ручья наша компания остановилась на ночёвку. Ручей довольно широкий, течёт в ложбине двух гор. Ложбина пологая. Метрах в пятидесяти от устья лежит старый, полусгнивший деревянный плот.

В этом месте разбили лагерь. Плот служил нам столовой. Пока команда переносила вещи с берега к будущему лагерью, я сторожил наше плавательное средство. По реке шла рабочая «водомётка» сплавщиков. «Водомёткой» я называл небольшой катер с водомётным двигателем. Сплавщики при помощи этого мотора нередко разбирали заторы из брёвен. Подойдёт катер к большому нагромождению брёвен, станет к ним кормой, включит свой механизм. Поднятая высокая волна ударяется в затор, размывая его. Брёвна, освободившись из плена, продолжают свой водный путь. Я смотрю на лодку, которая на полном ходу промчалась мимо меня. От неё шёл большой водяной вал. Наше судно лежало передней частью на суше, остальное находилось на воде. Я прыгнул на плот в надежде покачаться. Волна достигла берега. Судно вместе со мной подбросило вверх, затем вниз, опять вверх. Я оглянулся назад, увидел, как плот стащило с галечной отмели и он начал медленно уходить от суши. Меня накрыла паника: что делать? Расстояние между мной и берегом увеличивалось. Ни о чём не думая, я спрыгнул в воду, схватил швартовый конец и бросился к земле. Мне одиннадцать лет, сил держать тяжёлый плот не хватает. Я изо всех сил упёрся ногами в каменистую часть суши и тянул, тянул. Вскоре на помощь мне пришёл папа. Вдвоём мы справились с нашим полосатиком. Чтобы вновь такого не случилось, надёжно привязали его к лежащим рядом, покрытым мхом топлякам.

Серёга, папа, Наташа Володя и я пошли порыбачить. Здесь, в устье ручья, водятся большие, толстые усатые пещари. Через час наловили пятилитровый котелок. Рыбу почистили, засыпали солью. Капитан сказал, что через два часа можно будет её кушать, успеет просолиться. Наступил вечер. Вначале нас нещадно кусали комары, после их исчезновения нас стал кусать мокрец. Стемнело, солнце ушло за горизонт, бросая на землю вечерний желтовато-красный луч. Тётя Нина, взяв тарелку с супом, спросила:

— Откуда в супе укроп?

Мама посмотрела, что это за приправа — вроде бы не брали. Укропом оказались насекомые. Они покрыли толстым

слоем еду в котелке. Избавляться от них, утонувших в еде кровососущих паразитов, не имело смысла. Папа сказал:

— Кушайте так, больше мяса будет.

Харьковчане, поковырявшись в тарелках, принялись за ужин. Больше у этого ручья мы не ночевали, проплывали мимо или же останавливались порыбачить.

Перед скалой «Дина» русло реки делает затяжной поворот. Поворот похож на гигантскую петлю. Так и зовётся это место — Манская петля. В самом начале изгиба реки находится перешеек, длиной метров триста. Перешеек начинается с прохода в пробитой надвое горе. В прошлые времена для молевого сплава рабочие пытались облегчить путь брёвен. В самом узком месте петли они стремились пробить в горе проход для нового русла реки. Но их старания не увенчались успехом. Теперь искусственно созданный переход Перекоп стал достопримечательностью реки Маны.

Посередине излучины, на выпуклом правом берегу, наша команда остановилась. Половина компании, пройдя через густорастущий тальник, вышла на цветочную поляну. Везде, куда ни глянь, ласкают взгляд шапочки полевых цветов. Воздух заполнен горьковатым ароматом душицы с ярко-розовыми цветами. Островками на душицевом поле тянутся вверх пушистые зонтики белоголовника и беложёлтые корзинки тысячелистника. Местами над травой высоко подняла свои жёлтые головки пижма. Монотонно шумят шмели, перелетая от цветка к цветку. Раздаётся треск кузнечиков. На открытых участках земли копошатся муравьи. На этой поляне папа и мама всегда останавливаются, чтобы набрать чайный сбор цветов на зиму.

К вечеру плот-полосатик пристал к берегу посёлка Усть-Мана. Через несколько часов наш туристский коллектив прибыл в Красноярск. Гостям из Харькова очень понравилось путешествие. Дядя Толя обещал приехать со своей семьёй на следующий год.